

Г. К. ГИНС

<«Как человек адмирал подкупал своей искренностью, честностью и прямоотой»>

7 февраля в Иркутске национальный вождь — адмирал Колчак — был расстрелян без суда и до окончания допроса. Адмирал встретил смерть мужественно, с глубоким презрением к убийцам.

В течение года имя адмирала произносилось в глубине России с благоговением. Его ждали как избавителя. Его имя — это имя целого движения, целой эпохи русской революции.

Адмирал Колчак — одна из наиболее ярких фигур нашего военного мира. Он был хорошо известен за границей еще во время великой войны, заслужил славу одного из наиболее храбрых и способных морских офицеров и пользовался большим авторитетом.

В 1900 г. он был приглашен участвовать в опаснейшей экспедиции барона Толля, снаряженной Академией наук в Ледовитый океан для исследования полярных сибирских морей. В 1912 г. адмирал вторично отправляется в Ледовитый океан в качестве уже самостоятельного начальника новой экспедиции для розысков партии барона Толля. Уже найдены дневники Толля, но упорно продолжает он опасное плавание в этом море смерти и льдов. Только окончательно убедившись в гибели партии барона Толля, он возвращается обратно. За эту безмерно отважную экспедицию Академия наук поднесла ему впоследствии редкую награду — Большую Константиновскую золотую медаль, которую, кроме него, имеют только три путешественника.

Назначенный начальником новой экспедиции к устьям Лены, адмирал в Иркутске узнает об объявлении русско-японской войны и отправляется на театр военных действий в распоряжение адмирала Макарова. В Порт-Артуре он командует миноносцем, совершившим ряд смелых нападений на сильнейшую эскадру противника, а последние два с половиной месяца осады командует батареей морских орудий на сухопутном фронте крепости. За Порт-Артур он получил золотое оружие.

Уважая храбрость, японцы ему, одному из немногих, оставили в плену оружие, а потом, не дождавшись конца войны, предоставили свободу.

Затем Колчак привлекается к разработке большой морской программы и помогает защищать эту программу во время рассмотрения бюджета в законодательных учреждениях.

Во время войны с Германией Колчак отличается сначала в Балтийском море, где маленький русский флот отстаивает побережье от нападений крупных морских сил Германии, а затем, в должности командующего Черноморским флотом, он обеспечивает господство России в Черном море.

Близкие к адмиралу люди рассказывают много интересных случаев из его жизни, в которых проявились особенности характера адмирала. Наиболее известны его смотр Черноморского флота, которому он, немедленно по прибытии в Севастополь, приказал выйти в море, в поход, и эффектная сцена, когда адмирал бросил в волны свое георгиевское оружие, спасая его от матросов-большевиков.

Адмирал присутствовал на заседании Всероссийского правительства под председательством Керенского, когда тот послал записку генералу Корнилову не быть особенно откровенным ввиду присутствия некоторых лиц (намекалось на Чернова). Впоследствии адмирал, считая военные силы России разрушенными, предпочел выехать из России и отправился в Америку с официальным ответным визитом американским морякам.

До последнего времени адмирал больше всего ненавидел «керенщину» и, может быть, из ненависти к ней допустил противоположную крайность, излишнюю «военщину».

Перед свержением большевиков в Сибири адмирал просил англичан принять его на службу для участия в войне с Германией. Он получил предложение отправиться в Месопотамию, но, по просьбе российского посланника в Пекине, возвратился с дороги и принял участие в организации военных сил на Дальнем Востоке. После избрания Директории он направился к Деникину через Сибирь, но в Омске его просили остаться. Директория, желая привлечь популярного адмирала в состав правительства, предложила ему пост министра по военным и морским делам.

Жаждавшие твердой власти общественные круги уже замыслили в это время свержение Директории и остановили свой выбор на адмирале, наметив его в качестве диктатора. Адмирал ничего об этом не знал и стал «Верховным правителем» неожиданно, до последнего дня не зная о павшем на него жребии.

Как человек адмирал подкупал своей искренностью, честностью и прямоотой. Он, будучи скромным и строг к себе, отличался добротой и отзывчивостью к другим. Чистота его души находила выражение

в его обворожительной улыбке, делавшей обычно строгое лицо адмирала детски-привлекательным.

Адмирал был лишен свойств неограниченного властителя. Войскам, желавшим видеть того, за кого они сражаются, он сказал так: «Вы сражаетесь не за меня, а за родину, а я такой же солдат, как и вы».

Адмирал был человеком кабинетным, замкнутым. Проводить время за книгою было его любимым занятием. Очень часто он становился угрюмым, неразговорчивым, а когда говорил, то терял равновесие духа, обнаруживал крайнюю запальчивость и отсутствие душевного равновесия. Но он легко привязывался к людям, которые были постоянно возле него, и говорил с ними охотно и откровенно. Умный, образованный человек, он блистал в задушевных беседах остроумием и разнообразными знаниями и мог, нисколько не стремясь к тому, очаровать своего собеседника.

Те, кто знал все неприятности, все интриги, окружавшие адмирала, могли только сочувствовать ему и страдать за него. Но те, кто не знал всей обстановки работы Верховного правителя, выносили часто глубокое разочарование и даже раздражение из-за несдержанности и неуравновешенности его характера.

Что-то глубоко трагическое чувствовалось и в наружности, и в характере человека, который был выдвинут судьбой на первое место в антибольшевистской России. Но, как бы ни была интересна личность адмирала, его характеристика в настоящее время не только не может быть отделена, но целиком должна поглощаться характеристикой того политического движения, которое он возглавлял.

Мы не можем быть судьями, но мы не можем малодушно и виновато молчать, когда предан и убит тот, кто любил только Россию и ничего не хотел для себя, и когда целиком опорочивают всю деятельность правительства, которое, быть может, заблуждалось или действовало неумело, но ставило себе задачи благоразумные и честные, отвечавшие национальным стремлениям и интересам.

Адмирал Колчак связал свое имя с идеей, во имя которой велась гражданская война — идеей *единой великой России*. Его непорочная репутация служила залогом честности движения, и под его знамя встали все противники большевизма. Может быть, в самой идее этого объединения противобольшевистских сил таилась гибель движения? Но эта идея поддерживалась большинством, она воодушевляла, и, по мнению всех сторонников ее, только два человека могли воплотить эту идею: адмирал Колчак и генерал Деникин.

Движение не могло измениться от того, первый или второй был Верховным правителем. Они действовали единодушно, но другие силы оказались могущественнее их.

Адмирал Колчак был выразителем тех политических течений, которые вошли в русло *союзнической ориентации*. Нанесено ли поражение этой ориентации? Была ли она ошибкой движения? Адмирал не мог ей изменить по личным убеждениям, и почти вся русская антибольшевистская общественность была на стороне союзников, рассматривая борьбу с большевиками как продолжение антигерманской войны.

Будущая Россия оценит благородство адмирала Колчака и воздвигнет ему памятник благодарности, но и нам, современникам, стыдно не отдать должного светлой памяти мужественного и самоотверженного правителя. Мы должны оградить его имя от несправедливых, клеветнических обвинений. Он был не «врагом народа», а его слугой, но если ему не суждено было сделать для народа то, к чему Российское правительство искренне и упорно стремилось, то это не его вина. Он хотел улучшить благосостояние народной массы, но это оказалось невозможным в условиях непрекращавшейся войны и разрушенного транспорта.

Адмирал Колчак погиб за чужие грехи, и культурный мир должен понять, что предательство по отношению к адмиралу — великое злодеяние не только перед Россией, которая лишилась одного из лучших своих граждан, но и перед достоинством наций, флаги которых красовались в столице антибольшевистского движения — Омске, и которые приняли под свое покровительство адмирала, и, наконец, перед историей, ибо для нее останется много неизвестных фактов и мыслей, о которых мог бы поведать только адмирал Колчак. Лишь небольшая часть этого богатого материала заключается в полных захватывающего интереса показаниях адмирала в Иркутске.

Скорбный образ адмирала Колчака, с его пронизательными и печальными глазами и мученическими линиями лица, будет долго памятен.

Как постоянный укор, будет он преследовать и тех, кто взял на себя неблагодарную роль предателей, и тех, чья вина привела гражданскую войну к ее тяжелому финалу.

Тех же, кто любит Россию, этот образ заставит склонить голову и мучительно вспомнить о неизмеримой глубине бедствий, переживаемых великим государством.

